

М. Г. Алексеева, В. А. Фролова

**АКТУАЛИЗАЦИЯ ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО ЕДИНСТВА
«СВОЙ – ЧУЖОЙ» В ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ УСТАНОВКАХ
РОМАНА Г. РАДТКЕ «ТАТУИРОВАННЫЕ»**

Поступила в редакцию 10.02.2022 г.

Рецензия от 15.02.2022 г.

74

Изучена актуализация диалектического единства «свой – чужой» на примере немецкоязычной повести для юношества Г. Радтке (G. Radtke) «Татуированные» (*Die Tätowierten*). В результате исследования идеологических установок ГДР с применением анализа теоретических источников, метода сплошной выборки, лингвистического анализа контекстуальных блоков повести установлены сферы человеческой деятельности, которые репрезентируют неприятие ценностей враждебной идеологии: внешний вид, досуг, работа, нравственные принципы, воспитание и перевоспитание подрастающего поколения в нужном идеологическом ключе. Выявлена связь между внешним и внутренним проявлениями идеологических установок, что особенно ярко выражается в профессиональной сфере. Показано, что идеологические разногласия в своей абстрактной форме связаны с визуальными и аудиальными образами (фото и СМИ). Определяется, что наивысшей степени противопоставления «своя» и «чужая» идеологии достигают при описании государственной границы ГДР и ФРГ. Установлено, что равновесная оппозиция «свой – чужой» невозможна без равноценной критики собственных идеологических принципов, прежде всего в сфере (пере)воспитания «чуждых» индивидуумов в исправительных домах для подростков. Рассмотрены также недостатки планового хозяйства ГДР и экономические трудности социалистического государства, иногда служащие причиной экономических преступлений.

The article analyzes the actualization of the dialectical unity of “friend-foe” on the example of the German-language novel G. Radtke “Die Tätowierten” for young adults. The study relies on the research of the ideological attitudes of the GDR through the analysis of theoretical sources, the method of continuous sampling, linguistic analysis of contextual blocks of the story, and establishes the spheres of human activity that represent the rejection of the values of a hostile ideology: appearance, leisure, work, moral principles, upbringing and re-education of the younger generation in the right ideological way. A connection is established between the external and internal manifestations of ideological attitudes, which is especially pronounced in the professional sphere. The authors show that ideological differences in their abstract form are associated with visual and auditory images (photos and media). It is determined that the highest degree of opposition of “own” and “foreign” ideology is achieved when describing the state border of the GDR and the FRG. It is established that

an equilibrium opposition of “friend-foe” is impossible without an equivalent criticism of one’s own ideological principles, primarily in the sphere of (re) education of “alien” individuals in correctional homes for teenagers. Likewise, the attention is also drawn to the shortcomings of the planned economy of the GDR, to the economic difficulties of the socialist state, which sometimes serve as the cause of economic crimes.

Ключевые слова: идеология, оппозиция «свой — чужой», повесть «Татуированные», литература ГДР, граница

Keywords: ideology, opposition “friend and foe”, the story “Die Tätowierten”, literature of GDR, border

Введение

Идеология — это сложный феномен, являющийся объектом изучения политической, правовой, религиозной, социальной наук. Большая российская энциклопедия и Новейший философский словарь дают комплексное определение понятию идеология, описывая ее как теоретически оформленную систему идей, выражающую суть социальных интересов определенных классов, слоев и групп или общества в целом.

На основе идеологии формируются общественные (групповые) сознание и поведение, идеология имеет целью манипулирование и управление людьми путем воздействия на их сознание. Идеология является, таким образом, одним из инструментов социального управления, в том числе средством мобилизации людей на долгосрочные действия. Как указывается в данных словарях, ядром идеологии выступает прежде всего корпус идей о власти — об ее природе, обретении или захвате, удержании и реализации.

Выполняя одновременно интегрирующую и дифференцирующую функции, идеология отделяет группу ее носителей от групп с иной идеологией, а иногда и противопоставляет им. В поддержании и распространении идеологии, полагают авторы вышеназванных словарей, задействованы почти все социальные институты общества: власть, право, СМИ, образование и т. д. [2; 8].

Структурное, генетическое, функциональное, институциональное направления определяются Большой российской энциклопедией как основные [8]. В российских исследованиях идеология часто обсуждается в контексте необходимости выработки концепции национальной идеологии, объединяющей национальной идеи, «русской идеи» [1, с. 136–138]. Научные исследования, с одной стороны, определяют своей основной задачей разработку политико-идеологических ориентаций общества будущего, с другой — предпринимают попытку оценить уже существующие идеологические установки, например в современной России [11]. А. П. Суходолов исследует более узкий аспект идеологии — роль и значение идеологической функции журналистики для существования государства, рассматривает двойственную роль СМИ — как средство ведения информационных войн и как способ управления агрессией внутри общества [9]. М. М. Раевская посвящает свою статью лингвистической идеологии как теоретической категории и исследовательской парадиг-

ме, представляет лингвистическую идеологию как наблюдаемую в социальной жизни репрезентацию отношения говорящих к родному или иностранному языку, определяющую повседневную коммуникацию [6].

Ряд ученых анализирует идеологию в ключе ее взаимодействия с наукой и их взаимовлияния друг на друга, уточняют и дополняют критерии разделения идеологий, определяют функции официальной идеологии [4, с. 61, 64].

Важным моментом в определении государственной идеологии является понимание того, что идеология, объединяющая людей в группу, выступает одновременно и как фактор разобщения людей, вплоть до вражды. Как отмечает В. Г. Гребенников, идеологии легче различать не по их «да», а по их «нет», не по их «за», а по их «против» [4, с. 60]. Понятия «свой» vs. «чужой», способ самоопределения той или иной идеологии — «объединение со своими» vs. «противопоставление чужим» — становятся глубинным критерием разделения идеологий [4, с. 62]. Каждая из идеологий, как утверждают авторы исследования, определяет свое главное зло, которое является источником всех неблагоприятий и пороков конкретного общественного устройства. Наличие оппонента (то есть «чужого») является важным условием развития идеологии, а вместе с тем и общества [4, с. 60, 64].

Оппозиция «свой» vs. «чужой» как отражение национальной, культурной, идеологической, конфессиональной и других видов идентичности рассматриваются с самых разных ракурсов: так, Е. Н. Савельева и В. Е. Буденкова исследуют образ «Другого» в советском и постсоветском кино, анализируют специфику художественного решения этого образа, описывают модели построения идентичности [7, с. 114–116]. О. В. Федунина рассматривает в жанре соцреалистической криминальной литературы противопоставление «свой» vs. «чужой» в форме трансформированной бестиарной антитезы, различая при этом два типа ее реализации — нормативную и маргинальную [10].

Е. В. Кишина прослеживает экспликацию категории «свой — чужой», иллюстрируя свои положения публицистическими текстами на политическую тематику и выявляя экспликанды анализируемой категории практически на всех языковых уровнях — лексическом, грамматическом словообразовательном, синтаксическом и текстовом [3, с. 13–14]. С позиции экстраполяции категории «свое — чужое» на категорию пространства С. М. Пашков анализирует формирование эмоциональной доминанты страха в текстах неоготической прозы, предлагает системный лингвистический анализ формирования данной эмоциональной доминанты [5]; Е. И. Сухина посвящает свои исследования лирическому осмыслению концептов «свое — чужое» в творчестве Ингеборг Бахман и Франца Верфеля, рассматривает эволюцию представлений о «чужаке» в творчестве этих писателей, многопланово раскрывает концепт «свое», таящий в себе истоки глобального отчуждения [16; 17].

Результаты исследования

В своей работе мы основываемся на концепции единства противоположных понятий «свой — чужой», предложенной З. И. Кирнозе и В. Г. Зусман. Исследователи исходят из особенностей внутренней формы

слов «свой — чужой» в немецком языке («das Eigene» und «das Fremde»), опираясь на дефиниции этимологических словарей, в том числе на словарь Якоба и Вильгельма Гриммов. Авторы устанавливают точки «переворота», «перевоплощения» понятий в свою противоположность. Периферийные зоны «своего» и «чужого» совпадают, оба феномена, понимаемых авторами как концепты, двигаются разнонаправленно — друг от друга и по направлению друг к другу, соответственно этому возникают зоны пересечения. С точки зрения З.И. Кирнозе и В.Г. Зусман, «свое» и «чужое» одновременно являются синонимами и антонимами, образующими единое целое [13, с. 102—106].

М. Грубер придерживается сходной точки зрения: «свое» только через «чужое» получает точное определение. Все построено, полагает М. Грубер, на совпадении vs. различии признаков. Чтобы утвердить свое «Я», необходим «Другой», с ликвидацией которого растворяется и собственное «Я». Таким образом, тождественность принципиально нуждается в нетождественности. Когда речь идет о государственных идеологиях, формула «Я и Ты», «Я и Другой», подчеркивающая единство «своего» и «чужого», порой трансформируется в формулу «Я или Ты», «Я или Другой», в формулу неприятия «Другого», которая в конечном итоге сказывается и на целостности, неуязвимости «Я» [12, S. 72—73].

Анализируемая нами повесть Г. Радтке, повесть-детектив для юношества, призванная утвердить приоритет идеологических установок строя ГДР над мировоззренческими позициями ФРГ, является, на наш взгляд, примером такой трансформации единства «своего и чужого» в формулу категоричного отрицания этого «чужого» и, как результат, ослабления своего «Я». В исследовании выдвигается гипотеза о том, что описание идеологии своего государства через отрицание идеологических установок враждебного государственного устройства нарушает баланс «своего и чужого», писатель формирует поэтому равновесную систему между «своим и чужим» посредством критики экономических и социальных (в частности, образовательных и воспитательных) явлений современной ему ГДР.

Демаркация «свой — чужой (Другой)» выстраивается в романе Г. Радтке не по этнокультурным, а по идеологическим несовпадениям. Социалистическое мироустройство противопоставляется здесь западному капиталистическому миру. «Чужой», или «Другой», выступает за агрессивное-активное или пассивное сопротивление социалистическому устройству (ср. также специфику кинематографического решения образа «Другого» в исследовании Е.Н. Савельевой и В.Е. Буденковой [7, с. 116]). Этот «Другой» может быть конкретизирован, в соответствии с классификацией В. Мюллер-Функа, скорее как «чужак» [14]. В. Мюллер-Функ четко проводит различие между «Другим», «Иностранцем» и «Чужаком», причем последний, в отличие от «иностранца», обязательно является этнически чужим. Как и у Г. Радтке, он — «свой чужой»: этническое, языковое, историческое, даже недавнее профессиональное единство объединяет западных и восточных немцев. Лишь политические различия, и, как следствие, социальные, правовые и культурные несовпадения обуславливают их антагонизм.

Действие детективной истории завязывается вокруг убийства героини повести с чуждыми идеологическими взглядами Регины Шартель. Для раскрытия преступления Народная полиция ГДР разыскивает, до-

прашивает, анализирует действия и мотивы множества других «чужаков» из окружения Регины, например, Рамлова (Кинга), Минго, Циглера и других, попутно вскрывая ряд экономических и политических (нарушение пограничного контроля) правонарушений. В повести пропагандируются идеологические принципы ГДР через критику и отрицание идеологии ФРГ. Неприятие ценностей враждебно настроенного (или кажущегося таковым) государства актуализируется на примере самых разных сфер человеческой деятельности и собственно существования — начиная с внешнего вида (в том числе манер, поведения), выбора форм досуга и увлечений, отношения к работе и заканчивая нравственными принципами, целеустановками исправительных учреждений для трудных подростков (*Erziehungsheime*) и идеологическими постулатами в чистом виде. Рассмотрим каждую из сфер более подробно.

Внешность и манеры критикуемых «элементов», чуждых социалистическому обществу, теснейшим образом переплетаются в повести с изображением их нравственных пороков — безответственности, нежелания работать, дурных знакомств, аморальности и половой распущенности.

Die Schule wurde geschwänzt [15, с. 8]; *Es begann mit Fehlschichten, dann kam die Kündigung* [15, с. 9] — так рассказчик повествует о школьных и производственных проблемах Регины. Досуг Регины заключается в общении с подозрительными типами, часто не имеющими определенного места жительства, и в бесцельном шатании по городу (*die Bummelei, ein paar unsaubere Gestalten* [15, с. 9], *das Treiben* [15, с. 19], *der Penner* [15, с. 23]). Эти странные типы имеют и внешний опознавательный знак — татуировку, отметину, которая и послужила названием повести Г. Радтке (*Erkennungszeichen* [15, с. 23], *drei tätowierte Punkte auf der linken Hand zwischen Daumen und Zeigefinger* [15, с. 24]). Этот знак, который маркировал людей, отбывших срок в тюремном заключении или в исправительном учреждении для молодежи (*Clique der Tätowierten* [15, с. 65]; *Diese Drei-Punkt-Tätowierungen waren auch so eine aus der Unterwelt des Westens importierte Mode* [15, с. 24]) служил признаком тлетворного влияния западной моды.

Хотя господин Циглер и не имеет роковой татуировки, он также попадает в поле зрения криминалистов. Его привычки и окружение, состоявшее из постоянно сменяющих друг друга молодых женщин, раздражают многих живущих по соседству с его бунгало жителей: *schriller Misston in dem stillen Tal* [15, с. 33]; *Er muss sie (die Frauen) wie die Hemden wechseln* [15, с. 34]; *...solche Weibsstücke hätten sich geradezu eingenistet* [15, с. 34]. Автор резко критикует знакомства Циглера: *Gekreische und Gejasse* [15, с. 34]; *Unwesen treiben* [15, с. 41]; *verrufene Partys* [15, с. 34]; *ein anrühiges Verhältnis mit Regina* [15, с. 41]; *kilometerweise sei etwas zu hören* [15, с. 34]; *...aber mit anderen habe man sie „auch sehr intim“ gesehen* [Ibid.]. Семейная жизнь Циглера также далека от идеала: *Beiderseitiges Fremdgehen zu beiderseitiger Zufriedenheit. Sie kümmert sich nicht um ihn, er nicht um sie. Nach außen hin mimen sie das Ehepaar* [15, с. 36].

Большая часть опрошенных криминалистами молодых людей, однако, относительно безобидна в своих умонастроениях по сравнению с Кингом, Циглером или Минго. Автор описывает их иронично, не ску-

пясь на нелестные для них сравнения: ... sozusagen dem Neandertaler enger verwandt als dem Homo sapiens [15, с. 61]; Sie schickten ihm zuerst ein knallbuntes Emblem, das er wie einen Orden an der Brust trug — stolz wie ein Schimpanse im Zoo, dem man eine Stanniolkugel in den Käfig wirft [15, с. 66]; обращает внимание на особенности их внешности, привычек, выбора кумиров:

...mit überlauten Kofferheulen, überlangen Haaren und überdrehten Modeticks... [15, с. 61]; heiße Musik [15, с. 61]; auch die Unzahl von Bändern und Platten — alle mit "heißer" Musik [15, с. 133]; Die meisten bezeichnen sich als "Beat-Fans", die "nur ihrem Beat lebten" und auf keinen Fall mit Rowdys und Arbeitsbummelanten in einen Topf geworfen sein wollten [15, с. 61].

79

Автор упрекает эту группу молодых людей в двуличности: Sie führten sozusagen ein Doppelleben: in der Schule und im Betrieb hielten sie sich mehr oder weniger gut, aber in der Freizeit "hakte es aus" [Ibid.]. Нелицеприятно ведут себя эти люди и на допросе: ...abwartend oder störrisch, kleinlaut oder vorlaut [15, с. 63]; ...ängstliche Neugierde, Frechheit... Unsicherheit [Ibid.].

Контрастный образ формируется в лице Карла-Хайнца Римера, одного из немногих положительных героев повести, замечательного не только своими естественнонаучными достижениями (отсюда и его кличка "Professor"), но и нравственными качествами: ...selbstsicheres Auftreten, ungezwungen, Kern der Kollektive, kann einen guten Einfluss auf seine Altersgenossen haben [15, с. 63]. Такие, как Карл-Хайнц, могут лучше, чем стражи порядка, полагает автор, влиять на своих ровесников: Junge Menschen wie er, die vertrauensvoll zu uns kommen, weil sie wissen, dass unser Staat ihr Staat ist, sind die besten Erzieher der Gleichaltrigen [15, с. 66].

Еще один положительный образ повести — ассистент Герд Коблер, который делает первые шаги в криминалистике и, конечно, не всегда может избежать ошибок. Автор повести для юношества уделяет самое пристальное внимание профессиональной деятельности. В профессиональной сфере идеологические установки концентрируются довольно выпукло, здесь нет второстепенных вещей, важно все — и обстановка рабочего кабинета, и определенный регистр общения, и коллективный стиль работы. Так, обстановка рабочего кабинета неразрывно связана с тем, что за люди в нем работают, что для них более значимо — мягкая мебель, бар с напитками, атрибуты комфорта или простота и целесообразность: Unsere Arbeitszimmer zeichnen sich nicht durch großen Komfort, dafür aber durch Schlichtheit und Zweckmäßigkeit aus. So üppig wie die Kollegen in importierten Kriminalfilmen — eingebaute Kühlschränke, Hausbar, Polstergarnituren — haben wir es bei weitem nicht [15, с. 49]. Служба криминалиста предъявляет особые требования к сотрудникам, что видно из осуждения потасовки в питейном заведении, в которой участвует Герд Коблер: Dabei hätte ich ihm so etwas nie und nimmer zugetraut. Sich als angehender Kriminalist in eine Kneipenschlägerei verwickeln zu lassen — das war ja wirklich das Allerletzte! [15, с. 49]. Еще больший проступок Коблер совершает, когда хочет в одиночку напасть на след убий-

цы Регины, не передает старшему криминалисту необходимых для всей опергруппы сведений, что едва не стоит Коблеру карьеры в Народной полиции ГДР: Nicht etwa, weil die Idee an sich abwegig war, sondern weil er einen Alleingang versuchte, sich über die Dienstvorschrift und unsere Untersuchungsführung hinwegsetzte, um dann vielleicht glänzen zu können [15, с. 152].

Идеологические постулаты в чистом виде появляются в произведении нечасто, что обусловлено требованиями жанра, и связаны они, прежде всего, с визуальными и аудиальными сигналами «извне» — уже на первых страницах художественного произведения появляются постеры и фото с идеологически чуждым содержанием:

80

Es waren die grellbunten, aufreizenden Fotos aus Zeitschriften, die an unseren Kiosken nicht gehandelt werden. Muskelpakete in Tigerfellen. Rauschgiftsüchtige in Extase. Sex-Bomben. Kalte Killer mit Maschinenpistolen. Der ganze Abschaum einer verfaulenden Pseudo-Zivilisation... [15, с. 9–10].

Die Wände allerdings seien rundum bepflanzt mit Gangstern, Show-Stars und Striptease-Girls. Ob Kings Luxus-Zimmer oder die triste Bude Regina Schartels — die Gemächer glichen sich [15, с. 132–133].

Die “nackten Dämchen” an den Wänden seien ja wohl jetzt Mode wie das Gedudel auf dem neumodischen Grammophon [15, с. 154].

В повести упоминается и низкосортное чтение: Mit einer unwilligen Bewegung wirft er den zerlesenen Westschmöker (“Der Mörder raucht Marihuana”) beiseite [15, с. 142]. Теле- и радиопередачи из ФРГ или, например, Люксембурга предстают в повести как воплощение зла, символ лжи: Ochsenkopf-Kanal (Westfernsehen), Saubande [15, с. 111, 66].

Своей наивысшей точки градус противопоставления и отрицания идеологии «чужаков» достигает при описании государственной границы между ФРГ и ГДР. В понятии «граница» актуализируется наиболее выпукло диалектическое единство «своего и чужого», здесь возникает зона их пересечения. Именно на границе происходит второе убийство в повести — Гюнтер Зилих пытается пересечь ее и погибает при взрыве. Граница представлена в повести как полный опасностей и соблазнов рубеж, нейтральное обозначение «там, на другой стороне» (drüben) приобретает совершенно мистический колорит некоего «замирья», «потустороннего»:

An und für sich ist dieser Abschnitt ruhig, aber ich möchte wetten, dass die dort drüben am Waldrand sitzen und uns beobachten. Manchmal kommen sie allerdings bis ans andere Ufer, wenn unsere Soldaten hier Streife gehen. Es fängt immer mit einem Anbiederungsversuch an. So mit “Grüß Gott” und “Kumpel”, ein bisschen Schimpfen auf den Dienst, Anbieten von Schokolade und Zigaretten, und wenn das nichts hilft, folgt die Schimpfkanonade, mit der sie ihr wahres Gesicht zeigen [15, с. 82].

Und diese unheimliche stille Gefährlichkeit, die aus den dunklen Wäldern der anderen Seite beinahe körperlich zu uns herüberdrang... [15, с. 83].

Dort drüben war nicht nur eine andere Seite, es war eine feindliche Seite, bereit zu stören und auch zu schießen [15, с. 84].

Пытаясь достичь баланса между «своим и чужим», укрепить собственное «Я», показать более реалистичную картину жизни ГДР, Г. Радтке подвергает критике некоторые сферы человеческой деятельности, но прежде всего, (пере)воспитательную базу социалистического государства, что соответствует целеустановкам «романа воспитания» Нового времени. Так, Г. Радтке сетует на недостаточно хорошо организованные формы досуга молодежи, особенно той ее части, которая подвергается влиянию «извне»: ... es galt, labile und kriminell gefährdete Jugendliche, wie sie sich besonders im "Marstall" zusammenfanden, für eine interessante und kulturvolle Freizeitgestaltung zu gewinnen, und Siegfried Pöhler war vorgesehen, die Umgestaltung dieses Bumslokals in einen Jugendklub in die Wege zu leiten [15, с. 91]. Устами Карла-Хайнца Римера и руководителя опергруппы Г. Радтке дает советы, как повлиять на идеологически неустойчивых молодых людей, занятых на производстве:

Wir werden den beiden keine Moralpredigten halten, aber wir werden sie stärker als bisher in die FDJ- und Zirkelarbeit einbeziehen. Vielleicht auch eine kleine Karikatur an die Wandzeitung bringen — nicht böse, aber scharf. Das hilft meist mehr als große Aussprachen [15, с. 66].

Vielleicht erreicht ihr mit einer kleinen brüderlichen Aussprache, die ihr einfädeln könnt, viel mehr als mit sämtlichen betrieblichen Sicherheitsbestimmungen... [15, с. 67].

Автор также осуждает распространенное в обществе предвзятое суждение о моральных качествах молодежи по ее внешнему виду:

Die Worte unseres Polit-Offiziers blieben mir besonders in Erinnerung: "Sieh nicht nur die Verdächtigen, von denen jeder der Täter sein kann", meinte er, "stütze dich noch mehr auf die positiven Kräfte, besonders unter der Jugend. Sie ist im Sozialismus aufgewachsen, und sie steht zu uns, selbst wenn manche ihre Haare auf eine scheinbar besonders moderne Weise wachsen lassen" [15, с. 92].

Наиболее резкую критику Г. Радтке вызывают исправительные дома для подростков ГДР. В месте, призванном воспитывать «своих», вырастают «чужие» ущербные люди (см. также о предположении дефицита, ущербности «Другого»: [7, с. 117; 12, S. 74]). В качестве примера автор приводит исправительный дом, в котором Регина провела свою юность. Критике подвергаются многие моменты: и местоположение (в старинном замке, вдали от индустриального города), и отсутствие интеграции с морально устойчивой молодежью, и методические промахи воспитателей, и смешение в этих домах самых разных судеб — от трудновоспитуемых подростков до настоящих преступников. Не способствует исправлению молодых людей и отношение к ним работодателей, которые охотно избавляются в дальнейшем от таких соотрудников:

Es kommen aber auch Jugendliche, die Verbrechen begangen haben. Die Charaktere, die Intelligenz und das Gefühlsleben sind ganz unterschiedlich. Und unter den anderen gibt es Schwache, die sich durch die negativen beeinflussen lassen. Zu ihnen gehörte Regina [15, с. 100].

Aber gleichzeitig ist der Entlassene auch schon volljährig, und es hängt nun sehr vom Arbeitskollektiv ab, welcher Einfluss auf ihn einwirkt. Leider sind manche Betriebe froh, wenn der Eingewiesene so bald wie möglich wieder kündigt... [15, с. 100].

Hier unterlag der sonst so lebenserfahrene Erzieher einem Irrtum. Unsere Erfahrungen hatten uns nämlich gelehrt, dass die Tätowiersucht, mag sie zunächst auch nur der Eitelkeit entspringen, der Cliquenbildung dient [15, с. 101].

Warum dieses Schlossmilieu? Es wäre bestimmt besser, so ein Heim in der Nähe einer Industriestadt einzurichten, dort, wo das große kollektiv der Schaffenden spürbar ist [15, с. 102].

82

Г. Радтке не обходит стороной и экономические трудности молодого государства — плановая система хозяйства не всегда покрывает растущие потребности населения. В стране наблюдается острая нехватка качественных (не)продовольственных товаров широкого потребления, что провоцирует различного рода товарные махинации с их распределением. В повести раскрывается не только убийство Регины, но и экономическое преступление — спекуляция высококачественными тканями, в которой замешаны Циглер, Кинг и Кремер. Спекулятивные сделки и послужили прямой причиной убийства Регины: *Uns interessierte jetzt der noch immer unaufgeklärte Mord, nicht die krumme Tour von zwei Schiebern, die offenbar besser in die "freie Wirtschaft" des Westens passten als in unseren von Schmarotzertum freien Staat. Aber wir wurden hellwach, als plötzlich der Name Schartel fiel* [15, с. 128]. Латентная критика существующего положения дел в «своем» государстве также способствует выравниванию дисбаланса диалектического единства «своего и чужого» в криминальной повести. Разоблачая убийцу и раскрывая его мотивы, автор совершает своего рода катарсис, критикуя недостатки «своего» общества и «своей» идеологии.

Заключение

Диалектическое единство «свой» vs. «чужой» в идеологических установках предполагает необходимое достижение определенного равновесия, которое в случае критики «чужой» идеологии требует критического переосмысления и «своих» идеологических воззрений.

Список литературы

1. Вольтер О. В. Феномен идеологии в современной России // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4: История. 2009. №1 (15). С. 134—140.

2. Идеология // Новейший философский словарь. URL: <https://gufo.me/dict/philosophy/D0%AF> (дата обращения: 11.11.2021).

3. Кишина Е. В. Комплексное исследование категории «свойственность — чуждость» в русском языке // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 320. С. 11—15.

4. Макаров В. Л., Гребенников В. Г., Дементьев В. Е., Устюжанина Е. В. Идеология и наука (по материалам обсуждения в ЦЭМИ РАН) // Российский экономический журнал. 2019. №4. С. 55—68.

5. Пашков С.М. Эмоциональная доминанта страха в контексте оппозиции «свое — чужое» (на материале неоготического романа А. Мердок “The unicorn”) // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2: Языкознание. 2015. №5 (29). С. 92—99.

6. Раевская М.М. Языковая идеология как ментальная модель и исследовательская парадигма // Вестник Московского университета. Сер. 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. №2. С. 24—35.

7. Савельева Е.Н., Буденкова В.Е. Образ Другого как отражение национально-культурной идентичности в советском и постсоветском кино // Вестник Томского государственного университета. История. 2017. №45. С. 114—119.

8. Савельева О.О. Идеология // Большая российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/sociology/text/2000230> (дата обращения: 11.11.2021).

9. Суходолов А.П. Идеологическая функция средств массовой информации в условиях информационных войн // Вопросы теории и практики журналистики. 2015. Т. 4, №2. С. 117—126. doi: 10.17150/2308-6203.2015.4(2).117-126.

10. Федунина О.В. Бестиарная антитеза в советской криминальной литературе // Новый филологический вестник. 2018. №1 (44). С. 200—209.

11. Юдина Т.Н., Мазаев Ю.Н., Бабакаев С.В. Динамика политико-идеологических ориентаций населения России в постсоветский период // Вестник РУДН. Сер.: Социология. 2020. Т. 20, №3. С. 582—594.

12. Gruber M. Vom Anderen und Nicht-Anderen. Fragmentarische Anmerkungen // Das Eigene und das Fremde in der kulturellen Tradition Europas. Literatur, Sprache, Musik. Nischnij Nowgorod, 2000. S. 69—78.

13. Kirnosc S., Susmann W. Konzepte des Eigenen und des Fremden als Problem der Kulturologie // Das Eigene und das Fremde in der kulturellen Tradition Europas. Literatur, Sprache, Musik. Nischnij Nowgorod, 2000. S. 101—107.

14. Müller-Funk W. Das Eigene und das Andere / Der, die, das Fremde. Zur Begriffserklärung nach Hegel, Levinas, Kristeva, Waldenfels // Habsburg postcolonial. Gedächtnis — Erinnerung — Identität / hrsg. von J. Feichtinger, U. Prutsch u. M. Csáky. Innsbruck, 2003. S. 83—95.

15. Radtke G. Die Tatowierten // Радтке Г. Татуированные : учеб. пособие для студентов пед. вузов. Л., 1980.

16. Sukhina E. Die Gestalten des Fremdlings in der Lyrik von I. Bachmann // Вестник Московского университета. Сер. 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2012. №3. С. 118—126.

17. Sukhina E. Der lyrische Weg zwischen dem Eigenen und dem Fremden bei Franz Werfel // Вестник Московского университета. Сер. 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. №1. С. 135—145.

Об авторах

Марина Геннадьевна Алексеева — канд. филол. наук, доц., Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева, Россия.

E-mail: margennal@yandex.ru

Вера Александровна Фролова — канд. филол. наук, доц., Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева, Россия.

E-mail: frvera@yandex.ru

The authors

Dr Marina G. Alexeeva, Associate Professor, Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Russia.

E-mail: margennal@yandex.ru

Dr Vera A. Frolova, Associate Professor, Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Russia.

E-mail: frvera@yandex.ru